

Чжан Минь достал иглу, прокалил её над пламенем спиртовки и аккуратно ввел в плечо лежащего перед ним парня.

— Спасибо, Брат Минь, — выдохнул тот.

Парня звали Ван Шу. Он был из тех, кого Чжан Минь взял под свое крыло для тренировок. После нескольких дней непрерывной стрельбы Ван Шу не мог даже руку поднять, так что Чжан Миню пришлось лично заняться его осмотром.

Как командир отряда, Чжан Минь чувствовал ответственность не только за боевую подготовку, но и за здоровье своих людей. Душевный и заботливый, он быстро завоевал расположение парней. В отличие от вечно хмурого, контролирующего каждый шаг Мэн Фэна, к этому меткому стрелку все тянулись охотнее.

Ван Шу лежал на животе, а Чжан Минь тем временем вонзил еще одну иглу.

— Не за что, — отозвался Чжан Минь. — Девкой-то обзавелся уже?

Ван Шу едва исполнилось двадцать. На его лице еще читалась детская наивность, густо перемешанная с уличной дерзостью и бандитским гонором. Он легкомысленно усмехнулся:

— Да ладно тебе, Брат Минь, шутишь, что ли? Какая сейчас девка?

Чжан Минь улыбнулся:

— А Се Фэнхуа? Она девчонка видная. Слышал, из наших парней на неё многие заглядываются.

Ван Шу заметно смутился:

— Так она Вэнь Цегэ нравится. Он у нас самый красавчик, куда нам до него соваться.

— Вэнь Цегэ? Вэнь Цегэ? — переспросил Чжан Минь.

Ван Шу кивнул:

— Ага. Бабы по нему сохнут, только он упертый как баран, слова лишнего не вытянешь.

— А Брат Сэнь? — как бы невзначай спросил Чжан Минь. — У него тоже никого нет?

— Как нет, есть, — охотно отозвался Ван Шу. — Гражданская жена, по фамилии Цяо. Мы её

Сяо Цяо звали. Она только злиться начинала, когда её невесткой величали, говорила, что это слишком официально и только отдаляет всех.

— И что с ней стало? — будничным тоном поинтересовался Чжан Минь.

— Народу набилось слишком много, в машины все не помещались. Женщин забрать не могли. Так сестрица Цяо сама пример подала — первая из грузовика вылезла. А Сяокуй и остальные девки под брезентом спрятались, потому и проскочили... Ой! Брат Минь, полегче! Больно же!

Чжан Минь замер. Его лицо потемнело.

— Вот же... — тихо выговорил он.

Тяжело вздохнув, Чжан Минь одну за другой вытащил иглы и приказал:

— Давай-ка спать ложись. В следующем месяце выступаем на вылазку. И выкинь из головы мысли о бабах. Сдается мне, ты просто извелся весь от этого траха, вот правая рука и висит плетью.

Ван Шу громко расхохотался. Чжан Минь молча собрал свои инструменты и вышел.

Октябрь подходил к концу, и тепло ушло в один миг. С северо-запада налетел яростный, ледяной ветер. Электричество в лагере пока было, и это радовало, однако даже со светом выжившим совершенно нечем было заняться.

Большая часть энергии уходила на освещение и зарядку аккумуляторов. Поймать телесигнал оказалось невозможно — сколько Лю Янь ни возился с самодельными антеннами, на всех каналах упорно шуршал лишь белый шум.

С радиовещанием дела обстояли не лучше: эфир полностью вымер, ни на одной частоте не было слышно ни единого звука.

У Цзюэмина появилось ежедневное развлечение: он сидел перед приемником и часами крутил ручку настройки туда-сюда, словно безумец. Если Чжан Минь не заговаривал с ним, парень мог провести так весь день, отрешенно вслушиваясь в шипение статики.

Но в остальном дела в лагере шли на удивление гладко — Лю Янь не мог не признать, что человек с образованием управленца знает свое дело. Ху Цзюэ умудрился пристроить к работе буквально каждого. Пастор и Се Фэнхуа учили детей грамоте, женщины латали одежду, стирали и обустривали комнаты. По утрам мужчины тренировались в стрельбе и ОФП, днем

играли в баскетбол, а вечера оставались свободными. Ху Цзюэ также регулярно писал для Линь Мусэня речи, и тот раз в несколько дней толкал их перед выжившими перед ужином.

Его речи были полны страсти, но оставались в рамках здравого смысла, раз за разом воодушевляя обитателей убежища.

В первую неделю ноября началась их первая настоящая операция. Чтобы проверить бойцов в деле, Мэн Фэн и Чжан Минь разделили мужчин на два отряда по восемнадцать человек в каждом и отправились в деревню, расположенную в десяти километрах от лагеря, на поиски припасов.

Ху Цзюэ поехал с ними по приказу Линь Мусэня — присматривать за порядком и помогать по мере сил.

Едва забравшись в машину, Ху Цзюэ не мог сдержать восхищения работой Лю Яня. Тот переделал всё, что только поддавалось модернизации. Из четырех легких грузовиков, ковша экскаватора и половины кузова фуры Лю Янь собрал бронированный штурмовой автомобиль. На этой стальной машине они с грохотом ворвались через северо-западные ворота поселка, сминая заборы и круша всё на своем пути.

— Пошли, пошли, пошли! — первым из кузова выпрыгнул Мэн Фэн. Его помощником вызвался Дэн Чанхэ, бывший участковый.

— Ну что, спорим? — крикнул Чжан Минь. Рядом с ним стоял его заместитель — Вэнь Цегэ, тот самый бандит, который когда-то грозился прикончить Лю Яня.

— Спорим! — отозвался Мэн Фэн. — На пачку сигарет! Кто больше тварей завалит! Считаем по головам!

Быть заместителями командиров в этих отрядах было делом неблагодарным и бесперспективным. Линь Мусэнь установил жесткое правило: если командир погибает, его место занимает зам. Вот только дожидаться гибели Мэн Фэна или Чжан Миня их помощники могли разве что от старости.

После почти трех месяцев изнурительных тренировок это сборище разношерстных парней наконец-то вышло на тропу войны. Их цель была проста: зачистить этот крошечный поселок площадью не больше пяти гектаров, уничтожить всех ходячих мертвецов и забрать всё мало-мальски съедобное.

— А там есть кто живой? — с любопытством спросил Цзюэмин, сидевший на пассажирском сиденье.

Ху Цзюэ глянул в окно:

— Должны быть. Коровы, овцы... Скотина могла сама разбежаться по пастбищам.

Лю Янь обернулся к нему:

— Ху Цзюэ, что тебе Линь Мусэнь перед выездом наговорил?

— Сказал следить за ранеными, — ответил тот. — Если кто заразится — пускать в расход на месте. Цзюэмин, поручить хочешь?

Через полчаса после того, как бойцы ушли, эта бронированная туша, собранная руками Лю Яня, взревела двигателем. Подняв стальной ковш, она с грохотом протаранила две заброшенные лачуги, похоронив засевших там мертвецов под обломками стен.

— Вжих! — Цзюэмин с восторгом крутил руль в разные стороны, озвучивая каждый занос.

Этот броневик вобрал в себя весь инженерный гений Лю Яня: толстая броня, непреодолимая мощь. Они пронеслись по южной части деревни, сравнив с землей добрую половину строений.

— Ладно, ладно, отдай руль, — со смехом осадил его Лю Янь. — Ты чуть корову не переехал... Смотри, вон собака на тебя лает.

Цзюэмин затормозил:

— А её можно забрать?

Лю Янь нахмурился и покачал головой:

— Лучше не надо. Или отдай Линь Мусэню, пусть сам возится. Я все время боюсь, что животные тоже могут переносить вирус. Будет глупо заразиться от укуса какой-нибудь шавки. Ху Цзюэ, надеюсь, сегодня обойдется без инфицированных. Не хотелось бы, чтобы тебе снова пришлось стрелять.

— Я больше не смогу убивать, — тихо произнес Ху Цзюэ. — В ту ночь... когда я выстрелил... Стоит мне закрыть глаза, как я снова вижу его лицо. Я даже имени его не знал. Тогда я не думал о последствиях, но теперь меня жрет раскаяние. Он упал на землю, кровь медленно растекалась по полу... Я всю ночь не спал, эта картина у меня перед глазами крутится.

Лю Янь молча посмотрел на него.

— Его звали Ян Цинхэ, — негромко произнес он.

Ху Цзюэ кивнул:

— Я запомню это имя. Скажи, а ты не боишься, что Мэн Фэн и остальные тоже превратятся в таких же палачей?

— Ты боишься, что стоит начать — и дальше пойдет как по маслу? Что жизни людей обесценятся, и тебе станет плевать, сколько их погибнет — один, десять или сотня? — Лю Янь вздохнул. — Когда Линь Мусэнь приказал мне пристрелить первого зараженного из наших, я думал точно так же. Но я не смог выстрелить. И Мэн Фэн не смог. Убить человека — дело нехитрое, достаточно просто нажать на спуск. Важно то, кем ты останешься после этого. Если потеряешь человечность, то ничем не будешь отличаться от этих тварей, что жрут себе подобных ради выживания.

Ху Цзюэ кивнул и тяжело вздохнул:

— Все люди рождаются равными, и ни у кого нет права вершить чужие судьбы. Лю Янь, если меня зацепят, ты пустишь мне пулю в лоб?

— Конечно нет. Но у тебя ведь здесь не осталось родных. С кем ты захочешь попрощаться перед концом?

Ху Цзюэ задумался на секунду, а затем грустно улыбнулся:

— И то верно. Просто дайте мне немного еды, и я сам уйду.

Ледяной ветер нещадно хлестал по стеклам броневика. Вдоволь нарезвившись, Лю Янь и Цзюэмин затихли. Лю Янь залез поглубже в куртку, натянул капюшон на лицо и задремал. Цзюэмин достал тетрадку и, подражая другу, принялся старательно выводить строчки своего дневника.

Прошло немало времени, когда с неба повалили крупные хлопья снега. На лобовом стекле выросла тонкая ледяная корка. Вдруг в окно постучали. Цзюэмин удивленно захлопал глазами, приоткрыл стекло и растолкал Лю Яня. Это был Мэн Фэн.

— Ого, дружище, да у тебя тут корейская канцелярия! Мы с тобой больше не дружим, объявляем тебе бойкот, — Мэн Фэн со смехом щелкнул Цзюэмина по лбу. Тот обиженно засопел и поспешно спрятал блокнот с мультяшными персонажами.

— Бойкотировать людей нехорошо, — сонно пробормотал Лю Янь. — Если только в его дневнике нет каких-нибудь сомнительных плакатов, давай дадим ему шанс исправиться.

— Не обижайте меня! — надулся Цзюэмин. — А то мой папа вам обоим задаст!

Не успел он договорить, как из метели вынырнул Чжан Минь. Его яростный крик долетел даже до кабины грузовика. Все трое разом замолчали и уставились в окно.

— Ты что творишь?! — орал Чжан Минь. — Кто тебе разрешил стрелять?!

Ху Цзюэ нахмурился и рванул ручку двери, собираясь выйти, но Лю Янь удержал его за плечо.

Вэнь Цегэ сжимал в руках автомат, угрюмо выслушивая нагоняй. За его спиной жались двое бойцов из отряда. Оба были ранены, но держались на ногах. Однако рваные раны на шее и руках не оставляли сомнений в их скорой участи.

Они еще были живы, но каждый понимал — это ненадолго.

Вэнь Цегэ стоял с каменным лицом.

— Я давал тебе приказ стрелять?! — не унимался Чжан Минь. — Разве перед выходом я не ясно сказал: если кто-то ранен, сначала везем его в лагерь на осмотр! Какого черта ты прикончил его на месте?! Откуда тебе знать, что его именно ходячий зацепил?!

С каждым словом Чжан Минь распалялся все сильнее. Не выдержав, он наотмашь ударил Вэнь Цегэ прикладом автомата. Тот не удержался на ногах и повалился в сугроб.

Чжан Минь вскинул ствол, целясь в лежащего парня.

— Чжан Минь, остынь, — Мэн Фэн тут же перехватил автомат за дуло.

Только тогда Чжан Минь, тяжело дыша, опустил оружие и бросил на Лю Яня умоляющий взгляд.

— Трое раненых. Я даже разобраться не успел, как этот ублюдок пустил одному пулю в затылок, — хрипло выговорил Чжан Минь.

Он подошел к двум оставшимся бойцам, осмотрел их раны при свете фонарика и облегченно выдохнул, обращаясь к первому:

— С тобой все в порядке. Обычная царапина от ветки.

Тот бессильно опустился на колени и разрыдался от облегчения.

— А я? — дрожащим голосом спросил второй. — Командир Чжан, я... заражен?

Чжан Минь помрачнел:

— Тебя укусили. Пока точно сказать нельзя, но...

— Пожалуйста, позвольте мне вернуться и попрощаться с женой, — взмолился мужчина. — Умоляю вас.

— Конечно, — тихо ответил Чжан Минь. — Садись в машину.

— Что с припасами? — спросил подошедший Ху Цзюэ.

— Всё чисто. Нашли коров и свиней, которые разбежались из загонов. Еще есть запасы зерна, муки и макарон на складах, — ответил Мэн Фэн. — Пусть раненые не прикасаются к скотине. Сделаем так: Чжан Минь забирает раненых и увозит первую партию провизии в лагерь. Потом вернется за остальным. Ху Цзюэ, возражения есть?

— Никаких. Пусть раненый ждет на баскетбольной площадке, я сам все улажу, когда приедем, — ответил Ху Цзюэ.

Чжан Минь отрешенно кивнул и скомандовал:

— По машинам.

Бронетранспортер взревел и тронулся в обратный путь. Мэн Фэн с Лю Янем и оставшимися бойцами укрылись в уцелевшем доме, разведя костер. Вэнь Цегэ связали и бросили в углу.

Снег валил все гуще. Самодельный грузовик Чжан Миня одиноко катил по бескрайней пустоши. Метель бережно укрывала белым саваном бескрайние просторы Лёссового плато. Куда ни кинь взгляд — до самого горизонта простиралась лишь слепящая белизна.

Чжан Минь нарушил приказ Линь Мусэня: он привез обоих раненых обратно в лагерь и оставил укушенного ждать своей участи у баскетбольной площадки.

Было уже около одиннадцати ночи. Ху Цзюэ ушел на доклад к Линь Мусэню, а Лю Янь принялся за осмотр и ремонт оборудования.

Ночью за окном тихо шуршал падающий снег. Из темноты то и дело доносился приглушенный

плач. Мэн Фэн лежал с открытыми глазами, и его мысли снова унеслись куда-то далеко.

Он покрепче прижал к себе Лю Янь и нежно поцеловал его в щеку.

— Ты чего? — прошептал Лю Янь. — Что там Ху Цзюэ решил с тем парнем?

— Оставил его в пристройке за спортплощадкой, — тихо ответил Мэн Фэн.

Лю Янь молча кивнул. Мэн Фэн помолчал немного, а потом спросил:

— Знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Очередную глупость сочиняешь, — вздохнул Лю Янь. — Небось прикидываешь, что бы я делал, если бы заразился ты?

Мэн Фэн усмехнулся:

— И вовсе не глупость. Я прямо вижу картину: лежу я такой весь обращенный, а ты, бедный и несчастный, ломишься ко мне в клетку, тянешь свои ручонки и плачешь.

Лю Янь фыркнул:

— Если такой день настанет, можешь не стесняться. Кусай меня сразу, и будем гнить в одной клетке вместе.

— Ну уж нет, — шутливо отмахнулся Мэн Фэн. — Я не такой эгоист. Я обязательно скажу тебе напоследок: «Лю Янь, ты должен жить. Живи за двоих, любимый...» Ну, как в фильмах говорят, понимаешь?

Лю Янь промолчал.

— Ты должен жить дальше, — зашептал Мэн Фэн, распаляясь собственной драмой. — Найди себе кого-нибудь, будь счастлив...

— Хватит! — оборвал его Лю Янь.

Он сердито оттолкнул Мэн Фэна. Тот понял, что зашел слишком далеко и парень не на шутку обиделся. Мэн Фэн попытался было заглянуть ему в лицо и загладить вину, но Лю Янь демонстративно отвернулся и затих. Мэн Фэн поканючил еще немного, но усталость взяла свое, и вскоре комната наполнилась его мерным, богатырским храпом.

Лю Янь лишь тяжело вздохнул в темноту.

На следующее утро, когда Лю Янь спустился вниз, пастор У Вэйгуан всё так же усердно читал проповедь горстке людей — какому-то мужчине, дряхлому старику и женщине.

Забрав свою порцию скудного завтрака, Лю Янь сел за стол напротив Цзюэмина.

— Перестань ковыряться в тарелке, — заметил Лю Янь. — Ты чего на матушку Юй так волком смотришь? Опять еда не нравится?

Цзюэмин сморщил нос:

— Ненавижу картошку. Меня от неё уже тошнит. Картофельный суп на завтрак — это же извращение какое-то, тебе так не кажется?

До них снова долетел монотонный голос пастора:

— Пройдет пара десятков лет, и вы вновь узрите друг друга в Царствии Небесном. Откиньте печаль...

Матушка Юй, закончив раздачу, утерла руки фартуком и тяжело вздохнула. Она присела на край соседней скамьи рядом с поникшим молодым парнем.

— Как там твой брат? — тихо спросила она.

У парня глаза были красными от слез:

— Плох он... Мне так страшно. Он ведь дотащил меня сюда, оберегал... А теперь я один остаюсь. Что мне делать-то дальше?

— Жить, сынок, — ласково произнесла матушка Юй, погладив его по плечу. — Я вот в твои годы мужа схоронила, деток бог не дал, осталась совсем одна-одинешенька. Племянники да сестры — все за тридевять земель. Кое-как пристроилась при школе на кухне работать. Если по-твоему судить, так мне давным-давно в могилу пора было лечь.

Она тепло улыбнулась парню:

— А жить-то хорошо. Живи ради себя, да и брат твой того же хотел бы. Сходи проведай его, поговори. На вот, возьми парочку печеных картофелин, они еще теплые.

Лю Янь тихонько толкнул Цзюэмина локтем:

— По-моему, из матушки Юй проповедник куда лучше, чем из нашего пастора.

— Ага, — согласился Цзюэмин. — Им бы местами поменяться.

Всё утро Лю Янь ходил сам не свой, напряженно о чем-то размышляя. Его не покидало смутное предчувствие.

— А ну стой! — окликнул Лю Янь пробегавшего мимо по коридору пухлого паренька. — Ты ведь из отряда Трусливых Грибов? У меня есть для тебя дело.

Запыхавшийся толстяк затормозил, едва не поскользнувшись, и подозрительно уставился на него:

— Безумный Дэйв, тебе чего? Опять хочешь на нас свои сумасшедшие изобретения тестировать? Это негуманно! Я на твои грабли наступать не нанимался.

Разглядев шеврон на его рукаве, Лю Янь притянул его к себе и шепнул:

— Ничего подобного. Отнеси эту записку вашему командиру Цзюэмину.

Спустя несколько минут к Лю Яню подошла девочка-подросток и тихо доложила:

— Вэнь Цегэ на заднем дворе. Как позавтракал, так там и стоит.

Лю Янь на мгновение задумался, а затем решительно направился к выходу. На улице кружилась легкая поземка. Вэнь Цегэ неподвижно стоял у забора карантинной зоны, безучастно глядя в пустоту.

Лю Янь понаблюдал за ним издалека, а затем вернулся в здание школы.

Из-за сильного снегопада тренировки отменили. Обитатели лагеря слонялись без дела. Пастор У Вэйгуан и Се Фэнхуа сидели рядышком на ступенях лестницы.

— Пастор, — обратился к нему Лю Янь. — Мне нужна ваша помощь. Дело крайне важное.

У Вэйгуан поднялся. Лю Янь отвел его в сторону и заговорил вполголоса. С каждым словом лицо священника становилось всё более серьезным.

— Господи... — тяжело вздохнул У Вэйгуан. — Вы уверены, что всё именно так?

Лю Янь твердо посмотрел ему в глаза:

— Вы поможете мне?

Пастор на секунду задумался, а затем молча кивнул и направился к выходу, в сторону заднего двора.

Лю Янь присел на ступеньку рядом с Се Фэнхуа.

— Что случилось? — спросила она. — Почему Чжан Минь вчера так взбесился?

Лю Янь поджал губы и горько усмехнулся:

— Всё из-за него.

— Из-за Вэнь Цегэ? — догадалась Се Фэнхуа.

Лю Янь кивнул:

— Ты знаешь, кем он был раньше?

Она на мгновение задумалась:

— Ван Хуэй рассказывал мне как-то... Цегэ плохо учился, школу бросил. Он ведь совсем еще мальчишка. Школьные учителя его терпеть не могли, вечно шпыняли и издевались. Вот он и забросил учебу, стал бегать с уроков и в итоге связался с бандой Ван Хуэя. Хотя гуманитарные предметы он очень любил.

— Да, он парень скрытный, — согласился Лю Янь. — Молчаливые люди часто сильны в литературе. У них слишком много времени на размышления... о жизни, о книгах, о философии.

— Жаль только, учителя его талантов не оценили, — вздохнула Се Фэнхуа. — На самом деле он не злой. Мы иногда беседовали с ним о книгах, об истории и искусстве. Иногда вспоминали Ван Хуэя... Мне кажется, его изнутри жрет чувство вины. Его еще можно спасти, Лю Янь.

— Согласен, — кивнул Лю Янь. — Поэтому я и решил начать с него. Нам нужно как-то размежеваться с Линь Мусэнем. Он так и не понял, что наш главный враг — это мертвецы снаружи, а не мы сами. Мэн Фэн и Чжан Минь ушли в патруль, неизвестно, когда вернутся. Как только они придут, нужно действовать.

— И как ты планируешь уйти? — спросила Се Фэнхуа.

— Дождемся ребят и попросим их увести нас. В той деревне вполне можно обустроить надежное убежище.

Се Фэнхуа обеспокоенно нахмурилась:

— А бунта не будет? Здесь многие до сих пор верны Мусэню... К тому же его банда состоит из отпетых головорезов, они опасны. Что если они возьмут заложников? Что ты тогда делать будешь?

Лю Янь тяжело вздохнул:

— Вот именно поэтому я до сих пор и избегал открытого конфликта. Но вы ведь не можете взвалить всю ответственность только на меня. Неужели больше никто об этом не задумывался?

Се Фэнхуа виновато покачала головой:

— Прости... Мне стыдно признавать, но я никогда раньше не имела дела с бандитами.

При мысли о том, что может пролиться кровь и погибнут невинные люди, её передернуло от страха:

— Ты ведь не собираешься убивать их всех?..

— Это самый сложный вопрос, — признался Лю Янь. — Я не могу полностью доверять Ху Цзюэ, поэтому даже не пытаюсь с ним это обсуждать. Представь худший сценарий: мы схлестнемся с Линь Мусэнем, он погибнет. Но у него останется десяток верных бойцов. Думаешь, они смирятся? Затаят злобу и при первой возможности пустят нам пулю в спину. Что с ними делать? Перебить всех до единого? Собрать в одной комнате и расстрелять через окна? Я на такое не способен. Выгнать? Они вернутся с подмогой или устроят диверсию.

Се Фэнхуа молчала, не зная, что ответить. Наконец она тихо произнесла:

— Да уж, задача... Наш лагерь сейчас разделился на четкие касты. На вершине этой пирамиды — Линь Мусэнь и его приближенные. Они почти не тренируются, не ходят на вылазки и не рискуют шкурой. Просто сидят и жрут в три горла.

Лю Янь подтвердил её слова кивком:

— И если Мусэнь потеряет власть, его шавкам придется вкалывать наравне со всеми.

Лишившись привилегий, они возненавидят нас еще сильнее. Оружием их работать не заставишь, добрым словом — тем более. Эта гниль рано или поздно уничтожит нас изнутри. Но как от них избавиться? Расстрелять? Запереть и ликвидировать? Рука не поднимется.

Се Фэнхуа немного подумала и предложила:

— Есть один способ. Нужно заставить их перегрызть друг другу глотки. Пусть Мусэнь увязнет во внутренних разборках, тогда ему будет не до нас. Возможно, Ху Цзюэ знает, как это устроить, но надо быть уверенной, что он нас не сдаст. Ладно, пойду и я поговорю с Цегэ. Он правда не пропащий человек.

Лю Янь кивнул и погрузился в свои мысли, просчитывая возможные варианты развития событий.

Се Фэнхуа взглянула в сторону двора:

— Смотри, Вэнь Цегэ ушел вместе с пастором.

Лю Янь тут же поднялся и пошел следом. На краю спортплощадки У Вэйгуан раскрыл Библию, положил руку на голову Вэнь Цегэ и что-то негромко заговорил. Парень стоял с красными глазами, его плечи мелко дрожали от беззвучных рыданий.

— Сильная штука — вера, — тихо заметил Лю Янь, остановившись вместе с Се Фэнхуа в конце коридора.

Девушка грустно улыбнулась:

— Философия учит сомневаться и думать, а религия — слепо верить. Когда разум заходит в тупик, человек ищет спасения в вере. По сути, и то и другое — лишь попытка найти ответы на вопросы о жизни и смерти.

— Как думаешь, пастор сможет наставить Цегэ на путь истинный? — спросил Лю Янь.

— Не знаю, — ответила она. — У каждого свой путь. Смотри, он ведь всё утро простоял на холоде, наедине со своими мыслями. Он искал ответы. Для тех, кто раздавлен чувством вины, страхом и болью, религия становится единственным лекарством. Но сильных духом людей, чьи сердца спокойны, этим не проймешь.

Лю Янь невольно улыбнулся:

— А у меня есть своя вера. И мой бог ходит среди нас. Он куда сильнее любого небесного спасителя.

Се Фэнхуа сменила тему:

— А как там господин Ху? Он держится?

Лю Янь вздохнул:

— По-моему, он уже на грани. Быть правой рукой у такого босса — врагу не пожелаешь.

В этот момент Вэнь Цегэ поднял голову. Его заплаканные глаза встретились со взглядом Лю Яня.

До них донесся мягкий голос пастора:

— Мертвых не вернуть, сын мой. Но твоё покаяние искренне, и Господь простит тебя. Кровь Спасителя омоет твою душу и изгонит из неё демонов.

Лю Янь подошел к ним ближе. Священник закрыл Библию и произнес:

— Брат Лю попросил меня прийти к тебе. Мы здесь ради того, чтобы помочь тебе выстоять против зла и вернуть свою душу.

— Вэнь Цегэ, — ласково позвала Се Фэнхуа.

Лю Янь посмотрел на парня:

— Вэнь Цегэ, я знаю, что ты хороший человек.

Вэнь Цегэ закрыл глаза и медленно кивнул.

— Спасибо... — выдавил он пересохшим, хриплым голосом.

Лю Янь продолжил:

— Теперь скажи мне честно. Что именно приказал тебе Линь Мусэнь перед выходом? Был какой-то особый приказ?

Губы Вэнь Цегэ мелко задрожали. Он испуганно посмотрел на Лю Яня.

— Это Линь Мусэнь велел тебе избавляться от раненых? Ты ведь понимаешь, о чем я

спрашиваю, Цегэ?

Парень долго молчал, переступая с ноги на ногу, а затем тихо выговорил:

— Нет. Он ничего такого не говорил. Я сам это сделал.

Лю Янь вздохнул. Пусть это был не тот ответ, на который он надеялся, но он видел, что парень не врет.

— Цегэ, зачем? — тихо спросила Се Фэнхуа.

— Я... я сам не знаю, — его голос сорвался на дрожащий шепот. — В тот день, когда Ху Цзюэ застрелил того парня... Брат Сэнь хвалил его. Говорил, что именно такие решительные люди нам сейчас и нужны. Я просто... хотел выслужиться перед ним, подняться в его глазах. Каким же я был дураком... Лю Янь, я... я...

Он так сильно дрожал, что едва держался на ногах.

Лю Янь молча ждал продолжения.

Наконец Вэнь Цегэ поднял на него полные отчаяния глаза и выдохнул:

— Убей меня.

— Не мне тебя судить, Цегэ, — спокойно ответил Лю Янь. — Ты уже сам вынес себе приговор. Но умирать погоди, твоя жизнь еще пригодится для искупления.

— Что вы тут делаете? — внезапно раздался резкий голос позади них.

Все четверо мгновенно смолкли и обернулись.

В коридоре стоял Ху Цзюэ. Он внимательно посмотрел на собравшихся и сухо произнес:

— Лю Янь, тебя Брат Сэнь зовет. Дело есть.

— Понял, — быстро ответил Лю Янь и, бросив предостерегающий взгляд на друзей, поспешил на второй этаж.